

Бессмертный изрек: Путь самосовершенствования рождается из страданий.

Но Ся Цао сомневался, не перепутал ли он сценарий.

С того самого дня, как Цзюнь Ваншэн взял его в ученики, его жизнь — нет, его растительное существование — стремительно взлетело до уровня привилегированного барича с Бессмертной Горы.

Каждое утро Юэ Яо ровно в срок приносил ему бессмертный чай и духовные фрукты, а также комплекс утренних занятий, именуемый утренним уроком: то были не упражнения в кулачном бою и не варка пилюль, а впитывание духовной ци, прослушивание звуков цитры и дыхательная гимнастика.

Теперь он жил в Таинственной Обители на западе главного двора Двора Цинхуа — уютной и изысканной, где весь сад благоухал духовными травами и бессмертными растениями, которые, как говорили, Бессмертный Владыка пересаживал лично, исключительно для того, чтобы тот не тосковал по дому. Когда Ся Цао впервые вышел из Таинственной Обители, он чуть было не разрыдался на месте: духовные зародыши всех этих трав, оказывается, были живы, и при виде него дружно завопили: Староста!

Твоя судьба поистине ценнее котла для пилюль, — Юэ Яо редко отпускал плоские шутки, выговаривая это и одновременно подравнивая ему манжеты.

Ся Цао уже научился поддерживать стабильную человекоподобную форму духовного тела. Хотя оно по-прежнему оставалось полупрозрачным, а при ходьбе временами слегка парило над землей, у него по крайней мере появились конечности и черты лица, и выглядел он куда естественнее, чем в первые дни после обретения плоти.

Вот только лицо его еще не до конца сформировалось.

Цзюнь Ваншэн говорил, что это потому, что его травяной дух еще не окреп, и как только его уровень культивации дойдет до Пятого уровня Закалки Ци, черты лица проявятся сами собой.

Наставник говорит так умно и загадочно, но мне все же кажется... — Ся Цао посмотрел в бронзовое зеркало на свое зыбкое, с расплывчатыми чертами лицо. — Не снимают ли здесь какую-то недоделанную нейросетевую модель?

Юэ Яо не понял этой фразы и просто молча поправил на нем плащ, заодно протянув нефритовый нефрит.

Это Нефрит Беспечности, Бессмертный Владыка велел тебе носить его. Если кто-то посмеет причинить тебе вред, его тут же перенесет за пределы ворот горы Ванчэнь и трижды ударит молнией.

...Это оберег или устройство против маньяков?

Можешь считать, что и то, и другое.

Ся Цао сухогато усмехнулся, твердо уверенный, что ядовитый язычок этого старшего брата не так уж прост.

Впрочем, такой аристократический уклад жизни действительно заставлял его слегка задирать нос. Каждый день он либо медитировал, впитывая духовную ци, либо слушал проповеди Цзюнь Ваншэна. Тот говорил не слишком долго, но каждое его слово стоило целого золота. Порой речь шла о жизненной силе травы и деревьев, порой — об обращении сил Инь и Ян, а порой и о... человеческой страсти.

Все сущее обладает чувствами и лишь благодаря им способно обрести дух. Травы и деревья — тем более.

Таковы были дословные слова Цзюнь Ваншэна. Каждый раз, произнося это, он задерживал на Ся Цао взгляд чуть дольше обычного — легкий и спокойный, но отчего-то у Ся Цао начинало тревожно сжиматься сердце.

Такое ощущение чужого взгляда не прекращалось ни на день с самого начала.

Была и другая проблема, которая с того же самого дня следовала по пятам за его растительной судьбой.

Звали ее — Бай Цзюнь, легкомысленный целитель из столицы.

Впервые этот человек появился на десятый день после того, как Ся Цао обрел телесную оболочку.

В тот момент в обители как раз распустился третий лотос огненной ци, и Бессмертный Владыка как раз ставил ему иглы у пруда, направляя ци, но прежде чем иглы успели войти в плоть, из-за пределов залы донесся легкомысленный, но бархатный мужской голос:

Брат Ваншэн, давно не виделись. Что ни говори, а на этот раз позволь мне самому прощупать пульс твоего маленького ученика, мое искусство врачевания ведь — равных не сыскать во всех трех мирах.

Ся Цао лишь почувствовал, как у него по спине пробежал холодок, и не успел он опомниться, как серебристо-белый силуэт ворвался в проем, легкий, словно журавль, с неторопливо покачивающимся в руке нефритовым веером, окруженный шлейфом разлитого в воздухе аромата лекарств.

Так это и есть твой травяной малыш?

В голосе Бай Цзюня сквозило веселье, а его взгляд упал прямо на Ся Цао, ярко сияя так, будто он поймал тысячелетний гриб бессмертия.

Форму человека принял неплохо... хоть лицу еще и недостает огня, впрочем...

Он не успел договорить, как Ся Цао уже отлетел за спину Цзюнь Ваншэну, глядя на гостя с настороженностью новорожденного зверька.

Увидев это, Бай Цзюнь вовсе не рассердился, а лишь рассмеялся: Чего ты так боишься? Не переживай, я очень нежен.

С этими словами он и впрямь принялся проверять у Ся Цао пульс. Его пальцы коснулись запястья духовного тела, и неведомо какую технику он применил, но они словно просквозили сквозь сияние духовного света, безошибочно нащупав пульсацию травяного духа внутри него.

Духовная ци живая, пульс отдает теплом, природа травы чистый Ян... Но душа у этой травы, кажется, из другого мира.

Веселье в глазах Бай Цзюня слегка угасло, а взгляд стал острым.

Голос Цзюнь Ваншэна прозвучал холодно: Ты пришел пульс проверять или душу выведывать?

Это называется долгом целителя.

Сделаешь еще хоть шаг, и тебе больше не придется покидать этот Двор Цинхуа.

Атмосфера между ними вмиг накалилась до предела.

Ся Цао испуганно сжался. Он никак не ожидал, что спустя всего несколько дней после того, как его возьмут в ученики, он окажется в эпицентре противостояния столь ужасающих фигур — ледяного и деспотичного наставника-Бессмертного Владыки и улыбчивого старшего брата-врача, чьи слова сочились ядом, но при этом казались... давнишними знакомыми?

Впрочем, Бай Цзюнь не рассердился: отступив на шаг, он вновь озарил лицо улыбкой: Ладно-ладно, не буду копать. Всё равно... — переведя взгляд на Ся Цао, он вдруг смягчил тон: Если что-то понадобится — обращай ко мне, я лучше всех в поднебесной разбираюсь в травах.

Ся Цао:От этой фразы у меня странное предчувствие.

После ухода Бай Цзюня Ся Цао не удержался и спросил Цзюнь Ваншэна: Кто он такой?

Бай Цзюнь, отпрыск семьи потомственных чудо-врачей, нынешний глава столичной Первой лечебницы Жэньтан. Его медицинское искусство достигло божественных высот, а нрав... чужд человечности.

Сдается мне, он ко мне уж слишком равнодушен?

Опустив взгляд, Цзюнь Ваншэн занялся регулированием его ци, ответив бесстрастно: Он любит диковинки. Ты — самая диковинная трава из всех, что он до сих пор встречал.

Ся Цао закатил глаза, подумав про себя: Разве я сам просился стать травой?

Однако с того дня Бай Цзюнь стал заглядывать к нему едва ли не ежедневно: под предлогом проверки пульса, а на деле — донимая своим присутствием.

Он приносил всевозможные странные средства по уходу за травами: то росу ледяного нефрита, то маску из гриба линчжи, то благовонную мазь из персиков бессмертных... утверждая, будто все это необходимо, дабы помочь Ся Цао сохранить свежесть листьев и сияние нежных побегов.

Он мог подолгу разглядывать угол наклона его травяных листьев и комментировать: Сегодня этот лист изогнут прекрасно, полон жизненной силы! А вот этот слегка пожелтел, нужно подпитать духовной жидкостью.

Больше всего Ся Цао довел до белого каления тот раз, когда Бай Цзюнь вознамерился помочь ему избавиться от корневых вредителей — и заявился с плоской какой-то черной бурды.

Ты думаешь, я тебе дерево тун!

Ся Цао чуть не выпнул его пинком.

Но Бай Цзюнь не только не разгневался, а рассмеялся еще громче: Ой, злишься — значит, всё верно, появился настоящий травяной дух.

Ся Цао едва не взвился от злости, но стоило ему пожаловаться наставнику, как Цзюнь Ваншэн лишь невозмутимо изрекал: Если он тебе неприятен, примени заклинание и прогони.

Но почему-то...

Ся Цао каждый раз так и не решался пустить в ход кулаки.

Ему казалось, что при всей своей язвительности и ветрености Бай Цзиюнь... на самом деле вовсе не просто так над ним потешается.

К тому же во время каждого сеанса диагностики его руки неизменно оставались теплыми, а голос звучал мягко.

Словно...

Он и впрямь о нем заботился.

**

После ухода Бай Цзиюня Ся Цао всё еще кипел от возмущения, бормоча под нос: Этот человек — врач или маньяк? Если он и дальше будет так проверять пульс, меня скоро изучат как гербарий бессмертной травы...

Если ты и вправду превратишься в гербарий, он с вероятностью в девять десятых раскошелится на сто золотых катков, чтобы заказать для тебя витрину, — невозмутимо отозвался Юэ Яо.

Ся Цао яростно закатил глаза.

Но если подумать, неужели этот человек и вправду настолько крут? — он покосился на дверь. — Почему у меня ощущение, что все на Бессмертной Горе относятся к нему с трепетом?

На лице Юэ Яо промелькнуло сложное выражение, и лишь поколебавшись с мгновение, он заговорил: Хотя Бай Цзиюнь и ветрен, он далеко не простая пешка. Лечебница Жэньтан пользуется покровительством императорского рода, а он сам — главный императорский лекарь...

Эй, разве он не молодой хозяин лечебницы?

Он лекарь, а заодно... приемный сын самого Императора.

Какого еще императора?

...Того самого, который редко показывается на глаза, легендарного владыки, способного управлять потоками ци трех миров и создавшего «Канон Десяти Тысяч Лекарственных Трав».

Ся Цао остолбенел.

Этот легендарный небожитель и впрямь приходится родственником этому болтливому лекарю

Баю?

Сердце его екнуло, и он уже собирался расспросить обо всем подробнее, как вдруг из главного чертога Бессмертной Горы донесся голос небес — глубокий, властный, но в то же время исполненный удивительной мягкости: Цзюнь Сяцао, следуй за мной в главный чертог для беседы.

Голос этот принадлежал вовсе не Цзюнь Ваншэню, однако в нем проступало нечто... странно знакомое.

Обменявшись взглядами с Юэ Яо, Ся Цао увидел, как тот уже почтительно склонил голову: Это тебя зовет Великий Владыка, ступай скорее.

Главный чертог Бессмертной Горы издавна почитался заповедным местом высших бессмертных. Лишь перед одним человеком был обязан преклонять колени даже Цзюнь Ваншэн — перед самим владыкой бессмертной секты, Небесным Императором Тяньянем.

Следуя за указаниями лучей духовного света, Ся Цао прошел по облачным мостам и водным палатам, пока не добрался до нефритового алтаря на вершине горы. Створки дверей чертога были распахнуты настежь, в клубах густого тумана издалека виднелась высокая фигура, стоявшая спиной к нему на нефритовых ступенях и нежно ласкавшая распускающуюся Траву Времени Назад.

Эта трава была... в чем-то похожа на него самого.

Ты пришел. — Тон собеседника был ровным, но в нем слышался рокот грома, сотрясающий саму душу.

Ся Цао тут же опустился на колени и поклонился: Травяной дух Ся Цао приветствует Владыку.

Человек медленно обернулся: на нем были глубокие черные даосские одежды с золотым узором, а черты сурового и холодного лица на семь десятых напоминали Цзюнь Ваншэня, но аура разительно отличалась — это был вовсе не человек, скорее уж воплощенная воля самой природы, необъятной и всеобъемлющей.

Вставай. Я вижу, что твой духовный алтарь уже окреп и способен выдержать Душу и Дух, так что можешь не соблюдать излишний этикет.

Поднявшись на ноги, Ся Цао всё еще не смел поднять взгляд на его лицо.

Произнес Император: Знаешь ли ты, что запечатано внутри тебя?

Ся Цао замер: Разве это не... ядро травяного духа?

Не только оно. — Император слегка коснулся кончиком пальца межбровья Ся Цао, и струйка лазурного света истончилась из его тела, застыв в воздухе древней руной — и это отчетливо оказалась Двойная Печать Судьбы и Души.

Душой ты изначально человек, но судьбой — трава. Это редчайшее Тело Обращенной Судьбы.

Ся Цао замер.

Поскольку в прошлой жизни ты был человеком, после смерти ты не ступил в Реинкарнацию, а слился с духовной сущностью высокогорного кордицепса, сохранив бессмертную душу и породив разум. Что еще удивительнее — трава, в которую ты обратился, вовсе не простая вещь.

Сделав паузу, Император продолжил: Это не обычный кордицепс китайский, а... одна из девяти великих трав Шэньнуна, и имя ей Спасительница Жизни.

Гортань Ся Цао слегка дрогнула: Трава Спасительница Жизни?... Разве она не исчезла бесследно?

Все в мире вращается по кругу, и у трав тоже есть свои навязчивые идеи. Эта трава никогда не обретает разум сама по себе — лишь когда душа пожелает укрыться в ней, она может возродиться вновь. И ты — единственный носитель травы Спасительницы Жизни за последние десять тысяч лет.

Ся Цао был потрясен, в голове у него на мгновение воцарился полный кавардак: И что... со мной будет?

Пристально глядя на него, Император произнес глубоким и мрачным тоном: Тот, чье духовное ядро мутировало, рождается как противник небесной судьбы и мерило всех духов. Если ты преуспеешь в культивации, то сможешь менять судьбы небес и обращать вспять жизнь и смерть. Но в то же время ты можешь стать лакомым кусочком для всех практикующих.

Уголки рта Ся Цао дернулись: Выходит, я — тот самый сюжетный болванчик, которого все бросят отбирать едва он появится на свет?

Император неожиданно легко усмехнулся: А этот болтливости уступает не многим.

Взмахнув рукавом, он заставил нефриторовую печать зависнуть прямо перед Ся Цао.

Нынче я жалую тебе бессмертный сан, вводя в родословную Тяньянь под именем Цзюнь и жалую титул Цзюнь Сяцао, нарекая тебя моим приемным сыном — отныне никто не смеет

тронуть тебя и на волос.

Ошеломленно принимая печать, Ся Цао почувствовал, как его растительное бытие вновь пошло на повышение: из духовного питомца — в ученики, от учеников — в приемные сыновья.

Что за чертовщина? Ему что, еще и в выборах императора бессмертных поучаствовать?

Однако он не успел до конца осознать происходящее, как в глазах Императора мелькнула странная тень: Твое духовное ядро уже подает признаки беспокойства, его необходимо как можно скорее укротить, иначе не избежать страшных бедствий.

Едва слова затихли, как Император качнул рукавом, выкинув сверкающую золотом пилюлю: Проглоти ее, чтобы сдержать мятеж трех месяцев. Через три месяца я сам подберу для тебя технику вхождения на Путь.

Ся Цао только поймал пилюлю, как из-за дверей донесся знакомый издевательский смешок: Три месяца? Боюсь, ваш маленький Ся Цао не продержится и трех дней.

Бай Цзюнь, незванный, неспешной походкой вошел в залу, сжимая в руке свиток древнего медицинского трактата и сияя от узурпаторской радости: Я только что заглянул в медицинские свитки: духовное ядро носителя Тела Обращенной Судьбы, стоит ему утратить стабильность, в первую очередь уничтожит сознание сердца — то есть приведет к рассеиванию души и распаду человеческого облика.

Он с улыбкой уставился на Ся Цао: Ну что, всё еще весело?

Ся Цао:Ты явился меня проклять или спасти?

Разумеется, спасти, — приблизившись на два шага, Бай Цзюнь прямо перед лицом Императора протянул руку. — Дай-ка я снова проверю пульс.

Ся Цао было попытался отпрянуть, но Император даже не подумал его останавливать, лишь бросил: Ему дозволено диагностировать.

Пальцы Бай Цзюня легко легли ему на запястье, и выражение его лица постепенно стало суровым.

Духовное ядро внутри тебя... это не простая мутация, кто-то распаковывает печать.

Что? — Ся Цао опешил.

Кто-то наложил печать на твое тело еще до того, как ты обрел форму. Теперь твоя удача, твое происхождение и даже то, что тебя подобрали на Бессмертную Гору... всё это может быть частью процесса активации печати.

От ужаса Ся Цао прошиб холод: Хочешь сказать... с того самого момента, как я умер и обратился травой, моя судьба была кем-то расписана?!

Лицо Бай Циюня редко бывало настолько мрачным: Похоже на то.

Но Император лишь молвил холодно: У всего сущего есть свои причины и следствия, ты должен их оборвать.

Взгляд Ся Цао растерянно заметался, он крепко сжал зажатую в руке нефритовую печать, впервые ощутив глубокое сомнение в этой своей роскошной жизни на положении богатой травы.

В этот момент снаружи раздался леденящий кровь и призрачный голос: Если он не подчинится мне, вся дурная карма обратится вспять.

Две мрачные фигуры беззвучно опустились перед главным чертогом.

Один в черных одеждах и с высоким головным убором, с лицом цвета пепла; второй в пурпурных одеждах, с очаровательной и зловещей улыбкой на лице. То были — Царь Призраков и даос.

Они... прибыли.

<http://bllate.org/book/24199/2798513>